

«Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии». Отв. ред. В. Г. Орлова. — М., «Наука». 1970. 436 стр.

Рецензируемая книга написана К. Ф. Захаровой, В. Г. Орловой, А. И. Сологуб, Т. Ю. Строгановой. Основным источником исследования являются данные лингвистической географии русского языка, накопленные на протяжении сороковых и пятидесятых годов. Подготовленные в это же время карты диалектологических атласов создали принципиально новые возможности для разработки вопросов исторической диалектологии. С помощью метода лингвистической географии дополнена история отдельных явлений обязательным включением территориального аспекта их существования и развития. Лингвогеографические данные в соединении с результатами изучения письменных памятников позволяли показать в общем виде образование диалектного членения русского языка в относительно позднюю эпоху: основные события книги разворачиваются после XII в., главным образом в эпоху XIV—XVII вв. В книге читатель найдет не абстрактные схемы, опирающиеся на отдельные факты, а обретшие кровь и плоть живые картины формирования диалектных образований русского языка в связи с историей русского народа. В комбинации исторических, лингвоструктурных и лингвогеографических сведений авторы находят опору для всех своих выводов. Эти выводы для современного состояния и развития русской диалектологии чрезвычайно важны, что делает рецензируемую книгу, несмотря на гипотетичность ряда ее положений, трудом большой научной ценности.

Книга состоит из «Введения» и пяти разделов. Во «Введении» нет достаточного обзора работ по исторической диалектологии русского языка, отмечены лишь отдельные, не всегда основные вехи данной науки. Очевидно, историю научной разработки основных проблем исторической диалектологии надо было бы дать или в виде последовательного, охватывающего все основные работы, очерка, или исключить эту тему из книги. В предположенном виде этот раздел оказывается лишним, тем более, что в основной части книги авторы не сопоставляют свои выводы с результатами предшествующих работ. Вопреки намерениям авторов в таком изложении истории науки оказалась недостаточно выявленной роль А. А. Шахматова в становлении исторической диалектологии восточнославянских языков, значение его работ, значение работ Н. Н. Дурново.

Во «Введении» дана оценка источника. «Самый факт наличия карт диалектологических атласов еще не предвещает... в какой мере эти карты смогут явиться источником для плодотворного изучения

диалектного членения языка, а также для изучения истории формирования диалектных объединений. Ценность лингвогеографических данных во многом зависит от принципов, положенных в основу лингвогеографического изучения данного языка. ... Лингвистической географии русского языка в высшей степени свойственна... сознательно устанавливаемая связь между изучением говоров языка методами лингвистической географии и системным подходом к изучению говоров языка... Авторы диалектологического атласа русского языка уделяют равное внимание разным сторонам языка... Учитывалось также и то, что „только картографирование диалектных различий, касающихся всех структурных элементов языка, может обеспечить выяснение истории соответствующего языка в его говорах с наибольшей полнотой и во все периоды его развития, доступные исследованию“ (стр. 5—6).

Книга показала, что мы обладаем новым источником истории русского языка — данными лингвистической географии, источником во многом уникальным, имеющим необыкновенную ценность. Оценка этого источника в книге могла бы быть более полной. Отбирая определенные изоглоссы современного языка для их последующей исторической интерпретации, авторы не говорят, все ли эти изоглоссы и почему имели значение для группировки русских говоров в разные исторические эпохи. Не всегда достаточно обоснована дата, абсолютная или относительная, появления некоторых изоглосс, особенно морфологических, синтаксических и лексических. Очевидно, без достаточной разработки исторической морфологии, синтаксиса и лексикологии народно-разговорного языка диалектного типа по данным письменных памятников такую датировку трудно установить, на что следовало бы указать при общей оценке источника.

Во «Введении» следовало бы подробнее остановиться на характеристике той территории, в пределах которой рассматривается история диалектного членения русского языка, а также на содержании тех понятий, которыми пользуются авторы: наречие, диалект, группа говоров, диалектная зона. Содержание этих понятий оказывается близким, даже иногда тождественным. Все они включают представление о структурно-территориальной единице, полученной в результате сплошной интерпретации изоглосс. Не меняются они и исторически. Следовало бы остановиться на том, как понимают авторы различие между ними и связь этих понятий с исторической эпохой существования тех или иных диалектных образований. Неудачными, особенно с исторической точки зрения, представляются термины —

севернорусское (северное) и южнорусское (южное) наречие вместо традиционных — северновеликорусское и южновеликорусское.

Между основными разделами книги существует сложная внутренняя связь. Первый раздел — «Очерки по Истории явлений, имеющих индивидуальный характер распространения» — предваряет все остальные. Здесь показана относительная хронология и территориальное размещение в разные исторические эпохи тех основных явлений из области фонетики и морфологии, изоглоссы которых создают те ареалы, размещение и историческое движение которых позволяет судить об образовании основных диалектных групп.

Раздел второй — «Северное наречие русского языка» — включает характеристику основных изоглосс, выделяющих северное и южное подразделения русского языка, а также среднерусские говоры. После генетической оценки северных изоглосс, после выделения архаизмов и инноваций, а также их территориальной оценки идет заключительная глава раздела, посвященная истории образования северного наречия русского языка.

Раздел третий — «Основные группы говоров северного наречия» — построен по единому плану: дается синхронная оценка фонетических, морфологических, синтаксических, лексических явлений, изоглоссы которых выделяют данную группу говоров, а затем с включением исторических сведений предлагается история образования каждой группы.

Разделы четвертый и пятый посвящены соответственно характеристике и истории восточных и западных среднерусских говоров. Схема построения разделов сохраняется: вначале дается современное расположение изоглосс, их всесторонняя характеристика, показано, как с их помощью выделяются зоны и группы среднерусских говоров, а затем как результат исторической интерпретации этих изоглосс в сопровождении исторических сведений показана история данных диалектных образований.

Первый раздел книги, кроме того, что он содержит необходимый материал для всех последующих разделов и поэтому является органической частью книги, имеет и самостоятельное значение; он может быть использован для разработки глав исторической грамматики русского языка. Здесь рассмотрено изменение гласного *a* в *e* между мягкими согласными. К уже известным сведениям, пользуясь методом лингвистической географии, авторы присоединяют новые данные. Они полагают, что это изменение, начавшись после падения редуцированных и в известной мере отражающее общую тенденцию русского языка к продвижению *a* в более переднее и верхнее положение перед мягкими согласными, было особенно присуще

новгородскому (возможно, и соседнему с ним смоленскому) диалекту. Этот вывод согласуется с представлением об общей системе древненовгородского вокализма с более напряженными гласными не только нижнего, но и среднего и верхнего среднего подъема.

Приведенный в этом разделе материал об изменении *e* в *o* позволяет нанести последние штрихи на ту картину, которая достаточно полно нарисована диалектологами и историками русского языка. Обобщив все данные лингвистических карт с учетом фонетической и морфологической структуры слова, построенной по фонетической модели с результатами перехода *e* в *o* или их отсутствием, авторы поддерживают «ту, определившуюся за последние десятилетия точку зрения, согласно которой изменение *e* в *o* не было общерусским процессом» (стр. 27). Процесс изменения *e* в *o*, относясь к XII — началу XIII в., в своем территориальном распространении соответствует диалектным объединениям феодального периода. По данным лингвистической географии, по этому признаку противопоставляются говоры центра и периферии. Из числа периферийных говоров более позднее изменение *e* в *o* было характерно для говоров новгородского происхождения. Для говоров ростово-суздальского типа было характерно последовательное изменение *e* в *o* как под ударением, так и в предударном слоге. Говоры центра восприняли эту черту.

Из области консонантизма рассмотрена судьба долгих шипящих, губных спирантов, новых сочетаний согласных *c* *j*, смычно-проходных боковых сонорных согласных, прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных, переходное смягчение задненебных согласных *k* и *g*.

Рассмотрев ареалы распространения двух типов употребления губных спирантов: I тип *e* — *e'*, *φ* — *φ'*; II тип *e* (*w*) — *e'* (*w'*); III тип *e* (*w*) — *e'* (*w*), *φ* — *φ'*, — авторы приходят к выводу, что I тип, в настоящее время характерный для говоров центральных территорий, присущ им неисконно. Этот тип мог развиться в этих говорах как вторичное явление, но в весьма давнее время, когда часть восточнославянских племен, отходя на восток, заселяла территорию будущей Ростово-Суздальской земли и вступала на путь обособленного от западных территорий языкового развития (стр. 41).

Менее интересной для исторической морфологии представляется глава третья первого раздела, где рассмотрены морфологические явления. Здесь даны главным образом изоглоссы отдельных словоформ, важные для исторической диалектологии, но недостаточные для исторической морфологии, занимающейся историей всей парадигмы слова.

Изложение своей гипотезы об образовании северного наречия русского языка авторы ведут ретроспективно. Подобный

характер текста позволяет подробно знакомить читателя с исходным материалом и с методами самого исследования, получения конечного результата. Авторы как бы проводят читателя по всем основным путям исследования с тем, чтобы не просто познакомить его с готовым решением, но и показать, как это решение — готовилось. Но этот способ изложения и затрудняет восприятие наиболее существенного содержания книги, связанного с выяснением истории образования тех или иных объединений и противопоставлений. Очевидно, можно было бы сократить описание современного состояния, так как этот материал в достаточной степени имеется в книгах «Русская диалектология» и «Диалектное членение русского языка». Это позволило бы авторам в большей мере, чем это сделано, включить материал из письменных памятников разных эпох и относящихся к разным территориям.

Основные выводы авторов имеют новое содержание в сравнении с предшествующими работами и заставляют еще раз задуматься над сложившимися представлениями об относительной хронологии основных диалектных противопоставлений русского языка в связи с историей родственных славянских языков. В этом отношении важным является утверждение авторов о противопоставлении западной диалектной зоны восточной как о наиболее древнем, предшествующем образованию северного и южного подразделений русского языка. Этот вывод особенно интересен, так как он согласуется с результатами работ по изучению карпатского ареала, проводимых под руководством С. Б. Бернштейна и уже частично опубликованных. Он подкрепляется диалектологическими материалами украинского и белорусского языка, ссылки на которые имеются в книге.

Авторы показывают, как это древнейшее противопоставление помогает выяснить образование современного диалектного членения, проходившее в более позднюю эпоху. Явления общезападной локализации, с разной последовательностью встречающиеся в говорах северного наречия, известны и за его пределами преимущественно в западных говорах русского языка, реже в пределах северных периферийных говоров (за исключением юго-восточной части территории) и отсутствуют в говорах центра. Изоглоссы этих явлений продолжают на территории белорусского языка, а иногда и на территории украинского.

В числе таких фактов общезападной локализации рассмотрены из области фонетики звуковые сочетания $\dot{u}'m'\dot{u}'$, $\dot{z}'\dot{d}'\dot{z}'$ (карты № 5, 59), чередование v с $\dot{y}$ в конце слова и слога (карты № 6, 59), произношение твердых губных на конце слова (карта № 8), случаи сохранения ударенного e без изменения в o (карты № 3, 4, 59), новые сочетания согласных с i и их

соответствия (карта № 9), чередование s и w для фонемы λ любого образования (карта № 10), особая судьба редуцированных $\dot{y}$ и i , сохранение мягкости согласных n и r , исторически входивших в суффикс- $\dot{y}$ - s (типа $\dot{z}e|n' s'kij$, $\dot{o}z|p' s'kaj$), сохранение группы $чи$ без перехода в $шн$. Из морфологических явлений сюда включены: соотношение форм дат.-предл. падежа существительных жен. рода непродуктивного склонения по типу ударения (*по гряди*, но в *гряди* или: *по гряди* и в *гряди*, *по гряди* и в *гряди*), разные словоформы слова *мать*, распространение названий ягод с суффиксом $-иц$: *брусница*, *земляница* и под., формы местоимения типа *ийей*, формы глагола типа *дарить* и *дарить*, *катить* и *катить*. Рассмотрены в этом плане изоглоссы ряда синтаксических и лексических явлений, такие как конструкции: *косить трава*, *мне шапка надо*, *я была опугла* и т. д.

Размещение этих явлений объясняется тем, что тесные связи между говорами западных территорий в их языковом развитии продолжались долго, в ослабленном виде — и после образования современных восточнославянских языков и их поздних диалектных групп (в XVI—XVII вв.). В этой связи для понимания судьбы северного наречия важно подчеркнуть, что историческое единство новгородского диалекта с другими говорами западных территорий сложилось на основе языковых переживаний, характерной для говоров западных земель в отличие от говоров Ростово-Суздальской земли, а позднее Великого княжества Московского. Диалектные явления западно-северного распространения в пределах говоров северного наречия в северо-восточной части территории генетически связаны с древним новгородским диалектом и распространялись на северо-восток вместе с новгородской колонизацией. Перерыв в распространении этих явлений на центральных территориях Новгородского княжества объясняется как результат тех процессов нивелировки новгородских черт, которые интенсивно протекали после присоединения княжества к Москве. Отсутствие явлений общезападной локализации на юго-восточной части территории северного наречия связано с генетической связью костромской группы говоров не с новгородским, а с древним ростово-суздальским диалектом. Очевидно, дальнейшая разработка этой проблемы возможна на основе лингвогеографического и сравнительно-исторического изучения материала всех восточнославянских языков.

Вторым важным и также древнейшим этапом в развитии диалектных объединений на территории исконного восточнославянского заселения было образование общности южного типа. Опираясь на исторические сведения о росте территории Черниговской земли и расширении сферы

черниговского влияния в течение XI—XII вв. и связывая с этим распространение языковых новообразований южного типа, авторы делают ряд интересных для исторической диалектологии выводов. Они пишут: «В условиях сложившейся таким образом сферы черниговского влияния и могло осуществляться распространение некоторых языковых новообразований, по наличию которых говоры южных территорий, вместе взятые, оказывались противопоставленными находившимся к северу от них говорам Смоленской, Полоцкой, Новгородской и Ростово-Суздальской земель, объединенных в данном случае тем, что на их пределы не распространялись соответствующие языковые новообразования южного типа. Возникновение такого противопоставления, хотя и касалось первоначально ограниченного круга явлений, создавало основу для последующего выделения северного и южного территориальных подразделений в пределах говором русского языка» (стр. 224).

К числу южных новообразований авторы относят изменение *г* в *ѣ*, которое и по данным лингвистической географии следует датировать XI—XII вв., а не относить к праславянскому периоду. Следующим по времени и исключительным по значению южнорусским новообразованием определяется аканье. К этим ранним южным новообразованиям, возможно, можно отнести и образование парадигмы *путь* — *путья* — *путьб* и т. д. и перенос ударения на окончание им. падежа мн. числа таких существительных, как *волк*, *вор* — *волкѣ*, *ворѣ*. Из этих черт южного происхождения авторы выделяют аканье и высказывают предположение, что «если понимать под этим явлением любой вид перераспределения экспираторной силы слогов и связанной с этим возможности появления редукции гласных, то можно считать, что явлениями этого рода ко времени XIV в. уже были охвачены говоры Смоленской и Полоцкой земель на северо-западе, а также, в ограниченном кругу позиций, и значительная часть Ростово-Суздальской земли... Тем самым к XIV в. должны были выделяться на основе полного отсутствия изменений этого рода пределы той территории, на которой в дальнейшем формируются говоры северного наречия русского языка» (стр. 225).

И, наконец, третий круг вопросов, связанных с образованием северного наречия, определяется проблемой взаимодействия двух древних диалектов — новгородского и ростово-суздальского. Для решения этой проблемы авторы анализируют серию новгородских явлений — архаизмов и инноваций, их распределение, а также ряд ростово-суздальских архаизмов и инноваций и их размещение и показывают, как взаимодействие этих диалектов определяло превращение ранее только новгородских или только ростово-

суздальских черт в общесеверные. Одновременно дается и характеристика территории, на которой протекают эти процессы, показывается, как некоторая специфика этих процессов зависит и от характера осваиваемой новгородцами или суздальцами территории, от столкновения данных колониционных потоков и т. п. Из обобщенной характеристики этого исторического взаимодействия приведем следующие наблюдения авторов. Так, они указывают, что новгородские архаизмы и явления общезападной локализации, охватывая в позднее время северо-восток, не распространяются на юго-восточную часть северного наречия. Инновации же новгородского происхождения: изменение *бм* в *мм*, *дн* в *нн*, взятые в совокупности случаи совпадения форм дат.-тв. падежа мн. числа прилагательных — местоимений и существительных, окончание *-т* в формах 3-го лица глаголов настоящего времени — получили другую продуктивность распространения, охватывая всю территорию, они имели большое значение для оформления северного наречия как самостоятельной величины.

Такую же важную роль сыграло и распространение инноваций ростово-суздальского происхождения в пределах северного наречия. Это — процессы выпадения интервокального *ѣ* в различных грамматических категориях и последующие изменения в сочетаниях гласных и явления, связанные с образованием форм личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратных.

Показателем того, что севернорусское наречие как самостоятельное диалектное объединение уже сложилось, авторы считают появление таких явлений, которые развиваются в пределах всего северного наречия, т. е. появление собственно северных инноваций. К их числу они относят: важность лабиализации предударного *о* (*б*, *оу* и т. д.) вне зависимости от качества соседних согласных, возможность произношения *и* в соответствии с *ѣ* перед мягким согласным под ударением и в первом предударном слоге, изменение конечного *ст* в *с*, образование форм типа *крестьяна*, *крестьянѣ*, *сватовья*, *волосья*. Эти явления складываются на раннем этапе существования русского языка как национального, в конце XVII — начале XVIII в. По мнению авторов, именно к этому времени, к рубежу XVII—XVIII вв. завершается и процесс образования северного наречия русского языка. Этот вывод дан убедительно.

Есть все основания считать, что такое понимание истории севернорусского наречия надолго войдет в историческую диалектологию русского языка, лишь уточняясь и конкретизируясь в связи с новыми исследованиями.

Вторая важная проблема для исторической диалектологии уже собственно русского (великорусского) языка связана

с историей противопоставления диалектной зоны центра всем периферийным говорам. Выделить центральную диалектную зону было не просто, так как характеризующие ее черты совпадают с фактами литературного языка. Особенностью распространения этих явлений в пределах центральной диалектной зоны является то, что эти черты, общие с литературным языком, на этой территории не сопровождаются параллельными диалектными особенностями. Генетически эти говоры связаны с ростово-суздальским диалектом, и образовались они в результате особой судьбы этого диалекта, который с конца XV в. приобретает ведущую роль среди диалектов языка великорусской народности.

С образованием диалектной зоны центра связана история Костромской группы говоров северного наречия. Эта группа, исторически связанная с ростово-суздальским диалектом и потому имеющая и черты центральных говоров, в более позднее время оторвалась от южных говоров этого диалекта, не пережила вместе с ними общих процессов, связанных с междиалектным взаимодействием с юго-восточными говорами Рязанского края. В то же время эти говоры довольно рано стали взаимодействовать с более северными говорами, генетически связанные с диалектом Новгорода, что выработало здесь общие северо-восточные черты.

Другие группы северного наречия — Вологодская и Ладого-тихвинская — продолжали развитие новгородского диалекта, но в специфических исторических условиях. Так, для развития вологодских говоров в отличие от говоров ладого-тихвинской группы характерно то, что на более позднем этапе своего существования они не испытывали непосредственного влияния московских говоров или других говоров, усвоивших черты южнорусского характера.

Третья важнейшая проблема книги — история образования среднерусских говоров. Учение о средневеликорусских, переходных говорах, сформулированное уже в работах А. А. Шахматова, получает свое развитие в трудах Московской диалектологической комиссии, особенно в работах Н. Н. Дурново. Образование средневеликорусских говоров рассматривается здесь как показатель образования языка, общего для великорусской народности. Средневеликорусские говоры, занимая промежуточное положение между северновеликорусскими и южновеликорусскими наречиями, возникли в результате южновеликорусского (или белорусского) влияния на северновеликорусское наречие. Поэтому средневеликорусские говоры — это говоры в основе своей северновеликорусские с южновеликорусским (или белорусским) наслоением. Положение о северновеликорусской основе и южновеликорусском (или белорусском) наслоении составляет основной и определяющий

вывод всего данного учения. Критический анализ этого учения предложил Р. И. Аванесов, который полагает, что следует различать первичные и вторичные средневеликорусские говоры¹. Первичные говоры возникли в результате этнического смешения носителей первоначально различных диалектов. Поэтому в отношении этих говоров нельзя говорить об основе и наслоении. К числу таких первичных говоров, очевидно, следует отнести московский диалект. Причем здесь имеется в виду именно диалект, а не московское просторечие как живая основа русского литературного языка с его северновеликорусской основой. Вторичные средневеликорусские говоры имеют как северновеликорусскую, так и южновеликорусскую основу. Так, тульская группа говоров территориально рано (уже в XIV в.) вошла в состав Московского государства и испытала влияние одного из средневеликорусских говоров — московского, через который она и получила северновеликорусские черты. В результате говоры тульского типа можно отнести к средневеликорусским, которые имеют южновеликорусскую основу.

Авторы книги предлагают новое понимание характера и истории средневеликорусских говоров. Главным процессом, определившим специфику и место этих говоров в диалектном членении русского языка, считается процесс междиалектного взаимодействия юго-восточных говоров Рязанской земли и ростово-суздальских говоров в их южной части. Неразличение гласных во всех безударных слогах или во всех, кроме первого предударного, став особенностью восточной зоны средне-русских говоров, затем, позднее, через говоры московского типа уже в своем среднерусском виде продвигается дальше на северо-запад, в пределы территории древней Новгородской земли. В то же время в пределах западной диалектной зоны проникновение новых южнорусских явлений идет непосредственно с юга на север без московского влияния. Поэтому безударный вокализм псковского и т'гдовского типов отличается как от вокализма восточных среднерусских говоров, так и от вокализма новгородских среднерусских говоров.

Возникновение среднерусских говоров понимается как результат сложного междиалектного взаимодействия, что и создало специфику этих говоров — своеобразное совмещение черт, которые в другом сочетании, в ином расположении известны и на других территориях русского языка. Кроме этого своеобразного совмещения ареалов, все среднерусские говоры

¹ Р. И. Аванесов, Вопросы образования русского языка в его говорах, «Вестник МГУ», 9, 1947.

характеризуются неразличением гласных неверхнего подъема в безударных слогах, кроме первого предударного, и наличием взрывного образования, рядом с которым может быть и γ .

Таким образом, авторы книги снимают вопрос об основе и наслоении применительно к среднерусским говорам. Они замечают, что «процесс распространения совпадения гласных в восточных ср.-р. говорах едва ли следует представлять себе в такой последовательности, что под влиянием акающих южнорусских говоров сначала образовались акающие ср.-р. говоры, а потом под влиянием этих последних возникло совпадение гласных лишь в части позиций в акающих говорах владимирско-поволжского типа. По данным лингвистической географии образование акающих и окающих восточных среднерусских говоров скорее можно себе представить следующим образом: еще до образования существующих в настоящее время систем акающих и окающих говоров ср.-р. типа в этих говорах, как и вообще в говорах всего юго-востока, т. е. в современных говорах юго-восточной зоны и примыкающей к ним части говоров центра, могло возникнуть сокращение, редукция гласных безударных слогов, особенно сильная во 2-м предударном и заударном положениях. По существующим данным можно предположить, что этим явлением были охвачены как говоры юго-востока, так и говоры Ростово-Суздальской земли в бассейне Волги и Клязьмы, причем по времени этот процесс мог возникнуть уже в XII—XIII вв. (стр. 327—328).

Подчеркивая роль междialeктного взаимодействия как основного фактора образования среднерусских говоров, авторы обращают внимание на то, что новый набор черт не складывался как набор копий черт каждого из взаимодействующих диалектов, а возникали и специфические новообразования. Так, этим говорам присущ особый вокализм первого предударного слога после мягких согласных (виды умеренного яканья), возникновение которого объяснимо только пережитым междialeктным взаимодействием.

Еще сложнее представляется историческая характеристика западных среднерусских говоров. Исторически основная часть современных западных среднерусских говоров связана преемственным развитием с диалектами новгородской и псковской земель феодального периода. Некоторые специфические псковские черты (изменения в ряду свистящих — шипящих и дентальных — альвеолярных,

в дальнейшем — особенности гдовской и псковской групп) объясняются как результат древнего взаимодействия западной части восточнославянских племен с финскими племенами.

Вторым, более поздним, важным фактором образования специфических черт этих говоров определяется проникновение с юга аканья диссимилативного типа. Включение диссимилативного принципа неразличения гласных в систему различения гласных формирует вокализм псковского и гдовского типов.

Вторичное проникновение аканья, уже недиссимилативного типа, с юго-востока через посредство центральных акающих говоров могло явиться основанием, по мнению авторов, для развития сильного яканья, известного на востоке псковской группы. Образование новгородской группы связывается с историческими условиями существования новгородского княжества, его населения, после покорения Новгорода Москвой и образования Московского государства.

Все эти соображения авторов, очень интересные, требуют дальнейшей разработки. Очевидно, здесь нужны более убедительные предварительные разыскания в области не только истории, но и типологии различных звуковых систем, решение вопросов о возможном и невозможном совмещении разных звеньев, разных частных систем в более общей при междialeктном историческом взаимодействии и дальнейшая, прежде всего теоретическая разработка проблем междialeктного и межъязыкового взаимодействий. Кроме того, очевидно, до рассмотрения всех вопросов, связанных с образованием среднерусских говоров, следует представить хотя бы в гипотетическом виде историю южнорусского наречия и в связи с ней историю первичного акающего вокализма.

Будем надеяться, что авторы продолжат свою работу по исторической интерпретации данных лингвистической географии и в соединении с фактами, извлеченными из памятников письменности, предложат новые результаты по разработке проблем исторической диалектологии русского языка.

Можно думать, что выход рецензируемой книги будет способствовать углублению теоретической работы в области русской диалектологии, окажет положительное влияние на преподавание истории и диалектологии русского языка на филологических факультетах университетов и пединститутов.

К. В. Горшкова